

Колесница была невероятно вычурной, ослепительно роскошной: золото, серебро, нефрит, жемчуг — чего только на ней не было, лишь бы блестело. Золотые бубенчики, ароматные мешочки — всё на месте. Даже у лошадей в упряжи сбруя была в золоте, серебре и нефрите — дороже, чем украшения иной девицы. Углы и стойки кареты оторочены мехом — то ли беличий, то ли лисий — блестит и дорого смотрится. Внутри — курильницы, жаровни с углём, всё изящно. Но главное — у этой колесницы не было ни окон, ни дверей, все четыре стороны открыты! Человеку внутри не холодно ли? Или, наоборот, жарко? А может, он просто хочет покрасоваться?

Но важнее всего — сидящий внутри показался до боли знакомым. Да это же тот, кого он искал...

Мэн Чжэнь замер в оцепенении: «Гу... Гу Тин?»

Гу Тин тоже удивился, увидев его: «Разве ты не уехал? Почему ты здесь?»

«Брат тебя отпустил?» — И именно в такое время?

При упоминании брата большие глаза Мэн Чжэня затуманились слезами.

Гу Тин тут же нахмурился: «Ты сбежал от брата».

Мэн Чжэнь сжал губы: «Я волновался за тебя...»

Брови Гу Тина сдвинулись ещё сильнее: «А ты не боишься, что если с тобой что случится, твой брат меня прикончит?»

Мэн Чжэнь тут же замахал руками: «Нет, не будет! Мой брат не такой жестокий!»

Он явно плохо знал своего брата. Даже по той короткой ночной беседе, по тому, как менялось лицо Мэн Цэ, когда он говорил о брате, Гу Тин понял: этот младший брат — жизнь Мэн Цэ. Случись с ним что — Мэн Цэ сойдёт с ума.

Гу Тин и впрямь рассердился — на то, что Мэн Чжэнь так не бережёт себя. Но и ругать его сильно не смел — этот «фарфоровый кувшинчик» здоровьем слаб, то и дело кровью харкает. Сам такого друга завёл — что ж теперь, терпи да баллуй.

«Будь умником, в другой раз так не делай, понял? С любыми трудностями я справлюсь, ничего не случится».

Мэн Чжэнь не был глуп, по обстановке всё понял: «Снаружи говорят, резиденция князя согласилась в гости... Это ты согласился?» При этой мысли он заволновался пуще: «Не ходи! Это северные ди, прошли через перевал Юньчжун со стороны гарнизона семьи Чжан. Какое там «в гости» — волчьи намерения! Ступишь — погибнешь!»

«Северные ди? Гарнизон семьи Чжан?»

Гу Тин как раз ломал голову, откуда эти люди взялись, а друг тут же подсказал. Отлично! Он повернулся к Линь Фану: «А эта семья Чжан... Наставник, знакомы?»

Линь Фан был знаком слишком хорошо. Не только он — любого из резиденции князя — Стража Севера спроси, все знали, с чего вражда пошла, как развивалась, включая всякие подробности да примеры сражений. Объяснять — одно удовольствие: «Дело было так...»

Чем больше слушал Гу Тин, тем ярче горели его глаза. Вот оно что... Сегодняшнее дело пошло ещё глаже!

«Стой тут смирно, ни вперёд не лезь, ни поддавайся порывам, ясно? — наказал он Мэн Чжэню. — Кончу дело — вернусь, опасности никакой».

Мэн Чжэнь послушно кивнул, глаза сияли: «Угу!»

Лишь бы с Гу Тином всё было хорошо — тогда и он спокоен!

Тем временем снаружи все занервничали, а внутри замерли.

И всё потому, что лишь тронулась благоухающая колесница — поплыл ароматный ветерок, и на улице предстало диковинное зрелище. Золотые бубенчики позванивали, ветерок благоуханий овеивал всё вокруг, будто весенний, самый звук денег был сладок для слуха, даже стук копыт отдавался особенно звонко — и всё это было слышно издали.

Вражеские солдаты за стенами ликовали: «Идёт! Наконец-то идёт!»

Когда кругом тихо, малейший звук слышен отчётливо.

Тук-тук копыт приближался, всё ближе, ближе, ближе... и стих. Раздался глухой стук дерева о землю — это слуги спешили и поставили подножку. Затем кто-то вышел из колесницы.

Сапоги, видно, кожаные, на толстой подошве, звук тяжёлый, особенный. Тук — тук — похоже на стук в дверь. Медленно, но никто не смел торопить.

Наконец, в свете прояснившегося неба вражеские всадники увидели: на стене появился человек.

Станом высок, в талии тонок, в левой руке держит золочёную ручную грелку с узором из бабочек, пальцы длинные, белые, будто светятся. На плечах — плащ алого цвета, воротник — из огненной лисы, мягкий да яркий. Лицо и вовсе прекрасно: чёткие брови, ясные очи, нос прямой, губы алые — красавец, да и только, обаяния полон.

Заметив, что на него смотрят, он откуда-то вынул веер и щёлком раскрыл. Веер из перьев, белый, пушистый, красивый, но всё же веер — в такую погоду выглядит холодно.

Вражеские солдаты внизу уставились, опешив.

Человек... видный очень. Но как ни красив, как ни отрешённо-благороден — мужчина же! Мужчина!

Гу Тин остался доволен эффектом своего появления. Пушистым веером прикрыл лицо, уголки глаз приподнял: «Прошу прощения, подготовка заняла чуть дольше, чем планировалось. Заставил вас подождать».

Вражеские солдаты внизу: ...

Чуть дольше? Ещё чуть — и мы бы до скончания веков ждали!

Из толпы кто-то крикнул: «Ты к-какой такой? Нам семью князя — Стража Севера подавай!»

Слова грозные, да вот только посередине запнулся — и вся прыть куда-то делась. Что поделаться

— противник слишком ярок, глаза слепит.

Гу Тин неспешно помахал веером, надменно и брезгливо: «Вот об этом я и недоволен. Вы с таким размахом приглашаете семью князя в гости — и великую княгиню звали, и братьев с сёстрами... а меня одного пропустили, это как? Теперь я сам пожаловал — и вы ещё смеете спрашивать, кто я?»

Ткнул веером в одного из солдат на стене, подбородок вскинул: «Ты, скажи им, кто я».

Солдат этот на посту стоял, не сходил, плана Гу Тина не знал, но самого Гу Тина знал — тот в последнее время в Цзююане только и делал, что шумел. Ответил машинально: «С-сокровище сердца князя?»

Гу Тин стал ещё надменнее, взгляд на врагов внизу — повелительный: «Всем слышно?»

Солнце светило беззвучно, ветер стих, облака редки. На площадке воцарилась тишина.

Вражеское войско за стенами было в шоке. Что за чушь? Что солдат ляпнул? «Сокровище сердца»? Чьё сокровище? Князя? У Хо Яня кто-то есть? И любим до беспамятства? Почему они ничего не слышали?

Но этот человек спросил — и солдат тут же ответил, без предварительного сговора. Неужели они впрямь упустили, что эта персона — самая важная?

Гу Тин, прикрываясь веером, прищурился и улыбнулся. Так и знал, что будет такой эффект, даже договариваться заранее не пришлось.

Притворно вздохнув, продолжил неспешно: «Меж государствами послов не убивают, меж мужчинами — семьи не трогают. Услышал, что в гости зовут, — обрадовался. Князь наш бережливый, под конец года в доме запасов — раз-два и обчёлся. Что я люблю — серебряную рыбу с Янцзы, зелёных крабов с Тайху, северных летучих драконов... — ничего нет. Да и обновок почти не сшили — ни жемчуга южного на обувь, ни подвески из хэтяньского нефрита. Без этого как из дому выйти? Думал, раз я в год Крысы родился, можно золотых безделушек наделать, золотые крыски — мило, празднично, на Новый год одаривать хорошо. Пошёл за деньгами — а старый управляющий говорит: золота не хватает! Скажите на милость, как Новый год встречать?»

Вражеские солдаты за стенами ахнули. Серебряная рыба с Янцзы, зелёные крабы с Тайху, северные летучие драконы — кто не знает, что ценятся они только свежими, а помрут — тухлятиной станут? В такой мороз где их свежими достанешь? Да ещё жемчуг на обувь, подвески из нового нефрита — без этого и из дому не выйти? Знают они, почём нынче такие вещи? Требует то да сё — да он бы на небо взлетел!

А горожане чувствовали иначе. С одной стороны, Гу Тин казался им прекрасным и чарующим, с другой — на душе скребло.

Кто такой князь — Страж Севера? Это небожитель, хранящий здешние земли, защитник всех и каждого! Разве он не достоин всего? Всё у него должно быть! Может, и не как у столичного Сына Неба, но и не намного хуже. В Новый год рыбы да крабов поесть — что ж такого? Чуть дороже — почему не позволить? А вот это его сокровище, этот любимец, которого на руках носят, купающийся во всей княжеской любви, — и того позволить себе не может, на Новый год обновок нет... Право, горько.

<http://bllate.org/book/16279/1466179>